

Перестройка по-испански: сравнение моделей лидерства М.С. Горбачёва и Хуана Карлоса I

Perestroika in Spanish: a comparison of the leadership models of Mikhail Gorbachev and Juan Carlos I

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию политической легитимации М.С. Горбачёва и Хуана Карлоса I. Перед обоими лидерами стояла задача преобразования политической системы, ради чего они пользовались принципиально разными типами легитимации. Контрастное сравнение фундаментально разных легитимационных конструкций проливает свет на успех одной и неуспех другой, а также позволяет осветить особенности политической легитимации посредством членства в партии, королевского титула и открытой политической игры. Автор приходит к выводу, что две модели лидерства могут быть сравниваемы в логике идеальных типов, однако в целом обращение к испанскому опыту представляется ограниченным.

Ключевые слова: авторитет; легитимность; Горбачёв; Хуан Карлос.

Abstract. This article is devoted to the study of the political legitimization of Mikhail Gorbachev and Juan Carlos I. Both leaders faced the task of transforming the political system, for which they used fundamentally different types of legitimization. A contrasting comparison of fundamentally different legitimization structures sheds light on the success of one and the failure of the other, and also allows us to highlight the features of political legitimization through party membership, royal title and open political play. The author concludes that the two leadership models can be compared in the logic of ideal types, but in general, the appeal to the Spanish experience seems limited.

Key words: authority; legitimacy; Gorbachev; Juan Carlos.

Приход к власти в Испании короля Хуана Карлоса в 1975 г. часто связывают с началом «испанской Перестройки». Это обусловлено некоторой схожестью между двумя, с первого взгляда, разными лидерами: происхождение из элит прежней политической системы, самостоятельная реформаторская инициатива, стремление достичь высшего легитимационного авторитета на фоне внутренней нестабильности. Кроме того, тогдашние Испания и СССР сталкивались с рядом схожих проблем: закрытость и коррумпированность политической элиты, отсутствие свободы слова, непроработанность травмы политических репрессий, напряжённость в национальных окраинах. Всё это нуждалось в разрешении, или, вернее сказать, в перестройке. Цель исследования – определить возможность сравнения лидера-монарха из страны капиталистического лагеря и лидера-генсека из страны социалистического лагеря в рамках трансформационного периода эпохи Третьей волны демократизации.

Провозглашая антагонизм Перестройки по отношению к уходящей авторитарно-бюрократической модели социализма, Горбачёв, тем не менее, стремился сохранить свой преемственный статус любимого народом надполитического патриарха. Британский политолог Арчибальд Браун пишет, что Горбачёв относился с большим уважением к королю Испании Хуану-Карлосу I, в котором видел образчик успешного перехода от авторитаризма к демократии без широких общественных потрясений [1]. И Горбачёв, и Хуан Карлос стремились достигнуть высшей, надполитической легитимности. Однако Горбачёв не был монархом и не обладал соответствующим типом авторитета,

¹ Берестов-Калинин Никита Дмитриевич: Санкт-Петербургский государственный университет, студент 4 курса бакалавриата.

Berestov-Kalinin Nikita Dmitrievich: Saint Petersburg State University, 4st year undergraduate student.

позволяющим встать во главе политической системы и вместе с тем помимо её, оставаясь верховным арбитром, не несущим ответственности за принятие политических решений. Создавая новую плюралистическую систему, Горбачёв не смог сам уберечься от издержек публичной политики, то есть от необходимости перманентно оправдывать сам факт своего нахождения у власти. Джордж Бреслауэр справедливо отмечает, что новые правила политической игры, созданные Горбачёвым в конце 1980-х годов, фактически стали трамплином для антигорбачёвской оппозиции по главе с Ельциным [2].

Горбачёв был глубоко убеждён в историчности производимых им преобразований: он настаивал на безальтернативности Перестройки. Он стремился основывать свою легитимность на сопричастности к прогрессу. Можно сказать, что подобная установка схожа с концепцией «диктатуры развития» – политико-экономической модели, свойственной странам Азии и Латинской Америки во второй половине XX века. Однако самому Горбачёву было, безусловно, чуждо это сравнение: себя он мыслил как проводника демократии, а не диктатуры. Тем не менее, тот факт, что свою развёрнутую реформистскую программу Горбачёв осуществлял за счёт институциональных структур КПСС – традиционного механизма администрирования и принуждения, делает аналогию с диктатурой развития не такой уж беспочвенной. Противоречие между демократией и диктатурой делалось всё более явным, что вынуждало Горбачёва искать новые средства легитимации.

Политический авторитет Горбачёва менялся за время его нахождения у власти. Поначалу этот политический авторитет осмыслялся в рамках традиционной легитимности генерального секретаря ЦК КПСС. Традиционная легитимность, то есть «легитимность вечно вчерашнего», была утробой политического лидерства Горбачёва – благодаря налаженным процедурным механизмам авторитарно-бюрократического социализма он смог получить пост генерального секретаря партии. Горбачёв как политический лидер существовал в рамках устоявшейся системы отсчёта, и смена этой системы была для него опасна – слишком сложно было произвести замену несущих стен, сохранив крышу над головой. Он попытался сделать это, когда в 1990 году сменил традиционную легитимность партийного вождя на пост президента СССР – своего рода «императора французов» тех лет.

Хуан Карлос, официальный преемник Франко с 1969 г., к моменту восшествия на престол был убеждён в необходимости коренных преобразований. Продолжать авторитарный курс франкизма к середине 1970-х годов не представлялось возможным: усталость населения, разложение Фаланги, теракты «ЭТА», протесты духовенства, экономическая рецессия говорили о необходимости демократизации. Хуан Карлос также использовал прогресс для легитимации своего режима, однако в отличие от Горбачёва он отказался сам быть исполнителем намеченных преобразований. Вместо того, чтобы быть деятельным политиком, «прораб» испанской перестройки предпочёл роль арбитра, обладающего символическим главенством. Сразу переведя политику на демократические рельсы, Хуан Карлос обезопасил себя от обвинений в «диктатуре развития». Поручив всю чёрную работу по институциональному демонтажу франкизма Адольфо Суаресу, которого часто называют «испанским Гайдаром», Хуан Карлос остался почти неоспоримым знаменосцем новой демократической эпохи.

Политический авторитет Хуана Карлоса также менялся – из наследника каудильо он превратился в самостоятельного монарха. Однако по сравнению с Горбачёвым Хуан Карлос не отошёл от модели традиционного лидерства, максимально использовав символическую выгоду от королевского титула. Не будучи ограниченным строгими идеологическими рамками, подобно Горбачёву, Хуан Карлос имел большее пространство для политического манёвра. К тому же Испания имела готовую политическую модель либеральной демократии, на которую её вдохновляло как собственное прошлое, так и современный опыт соседей. Апеллируя к традиционности своего статуса и в то же время к необходимости соответствовать духу времени, Хуан Карлос укреплял свою легитимность.

Следуя релятивистскому подходу Хобсбаума к традициям [3], мы можем считать обоих лидеров приверженцами традиционной легитимности. Разница состоит в том, что в испанском случае это была традиция в широком понимании – как выдержанная веками форма правления; в советском случае под традицией надо понимать стиль власти, присущий России с 1917 г. Есть основания говорить о «большой» и «малой» традициях, обладающих разным политическим весом. Отдаляясь от партии, Горбачёв сменял традиционную легитимность на харизматическую – куда более персонализированную и сложную в воспроизводстве, часто вырождающуюся в популизм. Негласно оппонирующие безличной номенклатуре личные моральные качества, наглядно представленные в фигуре первого лица государства, должны были стать проводником политических реформ. Хуан Карлос же всячески подтверждал традиционность своей легитимации, оставаясь прежде всего королём, а не политическим лидером. Партбилет был в чём-то функционально схож с короной: оба этих атрибута институционализировали авторитет их носителя, делая процесс властвования целерациональным.

Случай с Хуаном Карлосом доказывает актуальность знаменитой медиевистской теории Эрнста Канторовича о «двух телах короля»: согласно Канторовичу, монарх существует не только в физическом виде – как человек – но и как сакральное политическое тело, как корпорация, объединяющая в себе все составляющие государства [4]. Процесс перестройки политической системы в Испании показывает, что авторитет Хуана Карлоса во многом был авторитетом политического тела. Направляя политические процессы в стране, Хуан Карлос действовал не как политик, но как магистрат. Это была высшая степень политической легитимности, ставившая её обладателя над политическим процессом. Горбачёв не имел подобной «легитимационной подушки безопасности»: постепенно отстраняясь от КПСС и заняв пост президента СССР, Горбачёв шёл по пути большой политики. Однако, желая стать «первым среди равных», Горбачёв стал лишь «одним из многих».

Институциональная ниша, занятая Хуаном Карлосом в преображённой Испании, была описана Бенджамином Констаном как принадлежащая монарху арбитражная, умеряющая власть, которая дополняет собой три других ветви власти [5]. Такая уникально монархическая альтернатива была недоступна для Горбачёва. Он мог лишь приблизиться к ней, если бы занял пост, эквивалентный посту президента в парламентских республиках. Политическая активность Горбачёва не позволяла ему стать арбитром политической системы – для этого он должен был отказаться от реальных полномочий в пользу функции контроля и символического главенства.

Хотя Г.В. Голосов справедливо замечает, что монархии в современном мире – это пустые институциональные формы [6], рассмотренный пример показывает, что даже в эпоху Третьей волны демократизации такая архаичная политическая атрибутика, как королевский титул, может значить очень многое. Впрочем, королевский титул является скорее свойством, чем суверенной сущностью – его успешная политическая реализация напрямую зависит от политической грамотности его носителя. То, как мало стоит королевская корона в условиях политической неосторожности её обладателя, показывает пример шурина Хуана Карлоса – греческого короля Константина, низложенного в результате референдума в 1974 г.

Став инициатором реформ, Горбачёв надеялся заручиться народным доверием как вождь наступающих перемен. Однако такая «популистская» легитимность не смогла выдержать проверку временем: создавая новые правила игры в политике (а именно превращая её из простого администрирования в конкурентный дискурс), Горбачёв не смог сам уклониться от разработанных правил, оказавшись не самым успешным политическим игроком. Хуан Карлос, изначально обладая принципиально другим типом легитимности, сумел адаптировать его под условия политической трансформации, сохраняя высший легитимационный авторитет. Кроме типа легитимности, важную роль сыграла степень политической активности: передача властных полномочий избранному правительству во

главе с Адольфо Суаресом позволила Хуану Карлосу стать авторитетным, хотя и не включённым в непосредственный процесс управления главой государства. Высокая степень политической активности Горбачёва девальвировала его статус главы государства, не позволив ему оставаться направляющей силой советского политического процесса. Прибегая к морским метафорам, можно сказать, что если Горбачёв оказался капитаном потонувшего корабля, то Хуан Карлос – неподвижной рострой корабля, пережившего шторм.

Модели лидерства М.С. Горбачёва и Хуана Карлоса уместно сравнивать в логике идеальных типов – любые политические системы поддаются сравнению, тем более современные друг другу. Контрастное сравнение фундаментально разных легитимационных конструкций проливает свет на успех одной и неуспех другой, а также позволяет осветить особенности политической легитимации посредством членства в партии, королевского титула и открытой политической игры. Проведённый сравнительный анализ показал, что последнее средство зачастую приводит к популистскому лидерству – наименее устойчивому, чем членство в партии или обладание короной. Однако обращение к испанскому опыту в изучении проблем авторитета и легитимации в эпоху Перестройки представляется априори ограниченным, так как, несмотря на наличие ряда схожих проблем, политические особенности двух государств и исторический бэкграунд их лидеров, представляются слишком разными.

Список источников:

1. Brown A. *The Gorbachev Factor*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 426 p.
2. Бресслаур Дж. Горбачёв и Ельцин как лидеры. Бостон: Academic Studies Press, 2021. 480 с.
3. Хобсбаум Эрик Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobretenie-traditsiy> (дата обращения: 08.09.2024).
4. Канторович Г. Два тела короля. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013
5. Классический французский либерализм: Сборник / Пер. с фр. — М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. - 592 с.
6. Голосов Г. В. Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе / Григорий Голосов, — М.: Рутения. 2024. — 404 с.